

*О Мария, без первородного греха зачатая!
Моли Бога о нас, к Тебе прибегающих.
Аминь.*

ПОСВЯЩЕНИЕ

29 июня 2002 года, за несколько часов до того, как поставить последнюю точку в рукописи этой книги, я отправился в Лурд набрать чудотворной воды из тамошнего источника. И вот, уже на территории святилища, какой-то человек лет примерно семидесяти спросил меня: «Вам, наверное, говорили, что вы очень похожи на Пауло Коэльо?» Я ответил, что Пауло Коэльо — перед ним. Тогда этот человек обнял меня, представил жене, познакомил с внучкой, стал говорить о том, какую важную роль сыграли в его жизни мои книги, а под конец добавил: «Они заставляют меня мечтать».

Я не впервые слышал эти слова, но всякий раз радовался им. Однако в тот миг сильно растерялся, ибо знал, что «Одиннадцать минут» — книга, толкующая о таком предмете, который может и смутить, и шокировать, и ранить. Я дошел до источника, набрал воды, вернулся, спросил, где живет этот человек (оказалось — на севере Франции, на границе с Бельгией), и записал его имя.

Эта книга посвящается вам, Морис Гравелин. У меня есть обязательства перед вами, перед вашей женой и внучкой — но и перед самим собой: я должен говорить о том, что заботит и занимает меня, а не о том, что от меня хотели бы услышать все. Одни книги заставляют нас мечтать, другие — погружают в действительность, но все они проникнуты самым главным для автора — искренностью.

*Ибо я – первая и я же – последняя
Я – почитаемая и презираемая
Я – блудница и святая
Я – жена и дева
Я – мать и дочь
Я – руки матери моей
Я – бесплодна, но бесчисленны дети мои
Я счастлива в браке и не замужем
Я – та, кто производит на свет,
и та, кто вовек не даст потомства
Я облегчаю родовые муки
Я – супруг и супруга
И это я родила моего мужа
Я – мать моего отца
Я – сестра моего мужа
Поклоняйтесь мне вечно,
Ибо я – злофавна и великодушна.*

Гимн Изиде, обнаруженный в Наг-Хаммади,
III или IV век (?) до н. э.

И вот, женщина того города, которая была грешница, узнавши, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром;

И, ставши позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром.

Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница.

Обратившись к нему, Иисус сказал: Симон! Я имею нечто сказать тебе. Он говорит: скажи, Учитель.

Иисус сказал: у одного займодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят;

Но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбил его?

Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил.

И обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал; а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла.

Ты целования Мне не дал; а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги.

А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тот мало любит.

Евангелие от Луки 7: 37–47

Жила-была на свете проститутка по имени Мария. Минуточку! «Жила-была» — хорошо для зачина сказки, а история о проститутке — это явно для взрослых. Как может книга открываться таким вопиющим противоречием? Но поскольку каждый из нас одной ногой — в волшебной сказке, а другой — над пропастью, давайте все же будем продолжать, как начали. Итак:

Жила-была на свете проститутка по имени Мария.

Как и все проститутки, родилась она чиста и непорочна и, пока росла, все мечтала, что вот повстречает мужчину своей мечты (чтобы был красив, богат и умен), выйдет за него замуж (белое платье, фата с флердоранжем), родит двоих детей (они вырастут и прославятся), будет жить в хорошем доме (с видом на море). Отец у нее торговал с лотка, мать шила, а в ее родном городке, затерянном в бразильском захолустье, всего только и было что кинотеатр, ресторанчик да банк — все в единственном числе, — а потому Мария неустанно ждала: вот придет день и нагрянет без предупреждения прекрасный принц, влюбится в нее без памяти и увезет покорять мир.

Ну а пока прекрасного принца не было, оставалось только мечтать. В первый раз влюбилась она, когда было ей одиннадцать лет, — по дороге из дома в школу. В пер-

вый же день занятий поняла Мария, что появился у нее попутчик: вместе с нею в школу по тому же расписанию ходил соседский мальчик. Они и словом-то друг с другом не перемолвились ни разу, однако она стала замечать, что больше всего нравятся ей те минуты, когда по длинной дороге — пыль столбом, солнце палит немилосердно, жажда мучит, — попевает она, из сил выбиваясь, за мальчиком, который идет скорым шагом.

И так продолжалось несколько месяцев. И Мария, которая терпеть не могла учиться и, кроме телевизора, иных развлечений не признавала — да их и не было, — мысленно подгоняла время, чтоб поскорее минул день, настало утро и можно было отправиться в школу, а субботы с воскресеньями — не в пример своим одноклассницам — совсем разлюбила.

А поскольку, как известно, для детей время тянется медленней, чем для взрослых, она очень страдала и злилась, что эти бесконечные дни дают ей всего-навсего десять минут любви и тысячи часов — чтобы думать о своем возлюбленном и представлять, как замечательно было бы, если б они поговорили.

И вот это произошло.

В одно прекрасное утро мальчик подошел к ней, спросил, нет ли у нее лишней ручки. Мария не ответила, сделала вид, что обиделась на такую дерзкую выходку, прибавила шагу. А ведь когда она увидела, что он направляется к ней, у нее внутри все сжалось: вдруг догадается, как сильно она его любит, с каким нетерпением ждет, как мечтает взять его за руку и, миновав двери школы, шагать все дальше и дальше по дороге, пока не кончится

она, пока не приведет туда, где — люди говорят — стоит большой город, а там все будет в точности как по телевизору показывают: артисты, автомобили, кино на каждом углу, и каких только удовольствий и развлечений там нет.

Целый день не могла она сосредоточиться на уроке, мучаясь, что так глупо себя повела, и вместе с тем ликуя оттого, что мальчик наконец ее заметил, а что ручку попросил — так это всего лишь предлог, повод завязать разговор: ведь когда он подошел, она заметила, что из кармана у него торчит своя собственная. И в эту ночь — да и во все последующие — Мария все придумывала, как будет ему отвечать в следующий раз, чтоб уж не ошибиться и начать историю, у которой не будет окончания.

Но следующего раза не было. Они хоть и продолжали, как прежде, ходить в школу одной дорогой — Мария иногда шла впереди, сжимая в правом кулаке ручку, а иногда отставала, чтобы можно было с нежностью разглядывать его сзади, — но он больше не сказал ей ни слова, так что до самого конца учебного года пришлось ей любить и страдать молча.

А потом потянулись нескончаемые каникулы, и вот как-то раз она проснулась в крови, подумала, что умирает, и решила оставить этому самому мальчику прощальное письмо, признаться, что никого в жизни так не любила, а потом — убежать в лес, чтоб ее там растерзал волк-оборотень или безголовый мул — кто-нибудь из тех чудовищ, которые держали в страхе окрестных крестьян. Только если такая смерть ее настигнет, думала она, не будут родители убиваться, потому что бедняки так уж устроены — беды на них как из худого мешка валятся, а надежда все

равно остается. Вот и родители ее пускай думают, что девочку их взяли к себе какие-нибудь бездетные богачи и что, бог даст, когда-нибудь она вернется в отчий дом во всем блеске и с кучей денег, но тот, кого она полюбила (впервые, но навсегда), будет о ней вспоминать всю жизнь и каждое утро корить себя за то, что не обратился к ней снова.

Но она не успела написать письмо — в комнату вошла мать, увидела пятна крови на простыне, улыбнулась и сказала:

— Ты стала взрослой, доченька.

Мария пыталась понять, как связано ее взросление с кровью, струившейся по ногам, но мать толком объяснить не стала — сказала только, что ничего страшного в этом нет, просто придется теперь каждый месяц на четыре-пять дней подтыкаться чем-то вроде кукольной подушечки. Она спросила, пользуются ли такой штукой мужчины, чтобы кровь им не пачкала брюки, но узнала, что такое случается только с женщинами.

Мария попеняла Богу за такую несправедливость, но в конце концов привыкла, приноровилась. А вот к тому, что мальчика больше не встречает, — нет, и потому беспрестанно ругала себя, что так глупо поступила, убежав от того, что было ей всего на свете желанней. Еще перед началом занятий она отправилась в единственную в их городке церковь и перед образом святого Антония поклялась, что сама первая заговорит с мальчиком.

А на следующий день принарядилась как могла — надела платье, сшитое матерью специально по случаю начала занятий, — и вышла из дому, радуясь, что кончились,

слава богу, каникулы. Но мальчика не было. Целую неделю протрадала она, прежде чем кто-то из одноклассников не сказал ей, что предмет ее воздыханий уехал из городка.

— В дальние края, — добавил другой.

В эту минуту Мария поняла: кое-что можно потерять навсегда. И еще поняла, что есть на свете место, именуемое «дальний край», что мир велик, а городок ее — крошечный и что самые яркие, самые лучшие люди в конце концов покидают его. И она бы тоже хотела уехать, да мала еще. Но все равно — глядя на пыльные улочки своего городка, решила, что когда-нибудь пойдет по стопам этого мальчика. Через девять недель, в пятницу, как предписывал канон ее веры, она пошла к первому причастию и попросила Деву Марию, чтоб когда-нибудь забрала ее из этой глуши.

Еще какое-то время тосковала она, безуспешно пытаясь найти след мальчика, но никто не знал, куда переехали его родители. Марии тогда показалось, что мир, пожалуй, чересчур велик, что любовь — штука опасная, что Пречистая Дева обитает где-то на седьмом небе и не очень-то прислушивается к тому, о чем просят Ее дети в своих молитвах.

Прошло три года. Мария училась математике и географии, смотрела по телевизору сериалы, впервые перелистала в школе неприличные журнальчики и завела дневник, куда стала заносить мысли о сером однообразии своей жизни, о том, как ей хочется наяву увидеть снег и океан, людей в тюрбанах, элегантных дам в драгоцен-

ностях — словом, все то, что показывал телевизор и что рассказывали на уроках. Но поскольку никому еще не удавалось жить одними лишь неосуществимыми мечтами — тем более если мать у тебя швея, а отец торгует с лотка, — то вскоре Мария поняла, что надо бы повнимательней присмотреться к тому, что происходит рядом и вокруг. Она стала прилежно учиться и одновременно — искать того, с кем можно было бы разделить мечты о другой жизни. И когда ей исполнилось пятнадцать, влюбилась в одного паренька, с которым познакомилась во время крестного хода на Святой неделе.

Нет, она не повторила той давней ошибки — с этим пареньком они и разговорились, и подружились, вместе ходили в кино и на всякие праздники. Заметила она, впрочем, и нечто похожее на ее первое чувство: острее ощущала она любовь не в присутствии предмета своей любви, а когда его не было рядом — вот тогда начинала она скучать по нему, воображая, о чем будут они говорить при встрече, припоминая в мельчайших подробностях каждое мгновение, проведенное вместе, пытаясь понять, так ли она поступила, то ли сказала. Ей нравилось представлять себя опытной девушкой, которая однажды упустила возлюбленного, не сумела уберечь страсть, знает, как мучительна потеря, — и теперь решила изо всех сил бороться за этого человека, за то, чтобы выйти за него замуж, родить детей, жить в доме у моря. Поговорила с матерью, но та взмолилась:

— Рано тебе, доченька.

— Но вы-то в шестнадцать лет уже были замужем за моим отцом.